

КОНЦЕПТ ДОМ В ШУГНАНСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Шахло Некушоева

Отдел культурного наследия и гуманитарных наук

Научный доклад №7

КОНЦЕПТ *ДОМ* В ШУГНАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Шахло Некушоева

к. ф. н., старший научный сотрудник отдела памирских языков

Институт гуманитарных наук им. Б. Искандарова АН РТ г. Хорог, Таджикистан

Абстракт

В статье анализируются когнитивные стороны концепта *дом* в шугнанской языковой картине мира на основе материала, собранного среди носителей языка, что позволило выявить внутреннее содержание исследуемого концепта. Анализ показывает, что семантическое поле концепта *дом* в шугнанском языке включает в себя понятия, связанные как с архитектурными элементами, их религиозно-философские толкования, так и многие другие абстрактные понятия, связанные с родным краем. В языковой картине мира шугнанцев данный концепт, как и во многих других языках мира, имеет тесную связь с концептом *семья*.

Ключевые слова: концепт *дом*, шугнанский язык, неоднозначность, языковая картина мира, семантическое поле, пять столбов, первичные элементы, сакральный статус.

Информация об авторе

Некушоева Шахло Саиднуриддиновна – кандидат филологических наук, заместитель директора Института гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова АН РТ, а также старший научный сотрудник отдела памирских языков данного Института. Защитила кандидатскую диссертацию в 2010 году на тему «Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики шугнано-рушанской группы памирских языков». Является автором более 20 научных статей, одной монографии (Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики (на материале шугнано-рушанской группы языков), 2019, 178 с. – Душанбе. Эр.-граф., 2019) и одной публицистической книги (Путешествие в Бартанг, Хорог 2014). Основными направлениями исследования являются лексика памирских языков, в частности шугнано-рушанская группа языков; когнитивные особенности концепта *дом* и лексика, связанная с кузнечным ремеслом в данных языках.

С 2000 по 2013 гг. преподаватель персидского языка и литературы, а также спецкурсов на кафедре восточных языков Хорогского государственного университета, с 2017 по настоящее время преподаватель таджикского языка в Университете Центральной Азии в Хороге, а также преподает спецкурсы на магистратуре и докторантуре при Институте гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова АН РТ.

Отдел культурного наследия и гуманитарных наук ведет свою деятельность для сохранения и популяризации богатого и разнообразного культурного наследия народов Центральной Азии через проведение научных исследований, документирование, архивирование и оказание поддержки исследователям из региона.

Научные сотрудники отдела занимаются сбором и сохранением существующей информации и культурных знаний и налаживают новый диалог и предлагают новую интерпретацию культурного наследия и идентичности в Центральной Азии.

Отдел культурного наследия и гуманитарных наук входит в состав Высшей школы развития Университета Центральной Азии. Университет Центральной Азии был основан в 2000 году. Президенты Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан, и Его Высочество Ага Хан подписали Международный Договор и Устав, учреждающие этот светский и частный университет; Договор и Устав ратифицированы парламентами стран и зарегистрированы в ООН.

Научные доклады Отдела культурного наследия и гуманитарных наук представляют собой серию рецензируемых исследований, издаваемых с целью расширить понимание социально-культурных и исторических процессов в Центральной Азии и внести вклад в международный академический дискурс по региональным вопросам.

Комментарии к публикации или вопросы по ее содержанию можно отправлять по адресу chhu@ucentralasia.org. Ссылаться на научный доклад можно без предварительного разрешения.

Редактор серии научных докладов: Эльмира Кочумкулова, заведующая Отделом культурного наследия и гуманитарных наук, доцент УЦА.

Фотография на обложке: *Потолочная конструкция памирского дома с узорами свастики, нанесенные во время Навруза (из личного архива автора).*

Авторское право © 2020
Университет Центральной Азии
720001, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Токтогула, 138

Тел.: +996 (312) 910 822
E-mail: chhu@ucentralasia.org

Содержание настоящего документа является исключительно предметом ответственности авторов и ни в коей мере не является отражением взглядов Университета Центральной Азии. Текст и данные настоящей публикации могут быть воспроизведены при условии указания источника следующим образом: Некушоева Ш. (2020). Концепт *дом* в шугнанской языковой картине мира, Отдел культурного наследия и гуманитарных наук УЦА, Научный доклад №7, 36 с.

Содержание

Введение	4
1. Лексико-семантическое поле концепта <i>дом</i> в шугнанском языке	6
2. Репрезентация концепта <i>čīd</i> в свете обрядовых традиций	17
Глоссарий.....	32
Литература.....	34

Введение

Традиционный памирский дом представляет собой архитектурное сооружение, широко распространённое по всей территории Западного Памира. Многие его архитектурные элементы являются общими для всего ареала, видоизменение которых наблюдается в незначительных пределах в зависимости от климатических зон заселения¹. В целом традиционный памирский дом для памирцев является местом глубокого почитания и благоговения. Традиционный памирский дом является одним из важнейших ценностей культуры памирских народов, с которыми связаны множество различных поверий и обрядов, до сих пор бытующих среди населения Западного Памира. Традиционный памирский дом охватывает совокупность элементов и символик, корни которых, вероятно, восходят к религии и верованиям древнейших иранских народов, живших задолго до появления и формирования зороастризма.

Философско-космологическое значение памирского дома подробно описано в статье А. Шохуморова «Хонаи пайравони ростин» (Дом приверженцев истины), где автор приводит значения основных символик интерьера памирского дома². В частности, автор пишет, что «согласно космологическим, философским воззрениям и арийской религии вся огромная вселенная в целом является Божьим Домом, и человек не имеет право при помощи камня и древесины построить для Него другой дом и изолировать в нем Бога. ...С этой целью, следуя законам огромной вселенной, которую они считали творением и Божьим Домом, построил свое жильё, которое являлось точным отражением Большого Мира (Большой Вселенной) – природы, и с другой стороны Малого Мира (Малой Вселенной) – человека... В этом глубоко чтимом доме, человек от начала и до конца жизни непрестанно находится под защитой, покровительством и руководством Бога, поэтому он не нуждается в мечети, церкви, храме и другого «Божьего дома»³.

Фото 1. Традиционные памирские дома, внешний вид, село Пасор долины Бартанга, Рушанского района (из архива автора, 2014 г.)

---

1 Мамадназаров М. Х. Видоизменение горнобадахшанского жилища в зависимости от его местонахождения // Памироведение. Вып. II. – Душанбе, 1985. – С. 175-182.
2 Шохуморов А. Памир – страна ариев. – Душанбе, 1997. – С. 116-152.
3 Там же. – С. 121, 124.

Архитектурные особенности *čīd* подробно рассматриваются в работах М.С. Андреева, М.А. Бубновой, М.Х. Мамадназарова. Этнографические сведения об обрядовых и ритуальных практиках, связанных с домостроительством, приводятся в трудах И.И. Зарубина, И. Мухиддинова, О. Олуфсена. Анализ архитектурных черт и процесса строительства традиционного памирского дома мы видим также в исследовательской работе К.С. Васильцова, где автором приводится подробное описание символик данного жилища и философско-религиозное представление памирцев о своем доме⁴. Значение и интерпретация архитектурных элементов и символик, связанных с ними, после распространения Ислама были трансформированы в памиро-исмаилитскую традицию, которая на сегодняшний день в сознании шугнанца практически передвинула на задний план изначальное философско-космологическое значение различных элементов традиционного памирского дома.

Среди отмеченных исследовательских работ, а также многих других научных и публицистических работ, посвященных традиционному памирскому дому, нами не были найдены труды, посвященные и затрагивающие когнитивные и лингвокультурологические стороны понятия *дом* в шугнанской языковой картине мира. Значительный интерес для исследования когнитивных сторон концепта *čīd* для нас представляют работы Шохуморова А., а также работа Васильцова К.С., так как в этих работах можно найти более подробные сведения о месте и значимости *čīd* в миропонимании народов Западного Памира.

Следует отметить, что современная лингвистика рассматривает язык как средство, который участвует в познавательной деятельности человека⁵. С этой точки зрения слово, как языковая единица является неким кодом, которое хранит в себе знания не только об обозначенной им вещи, но и знания о его связи с другими словами и понятиями той же языковой системы. Слово, выступая в качестве концепта, хранит в себе абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия⁶. оно содержит в себе личностное осмысление, интерпретацию объективного значения и понятия как содержательного минимума значения⁷. оно является отражением оперативной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, является квантом знания⁸.

С когнитивной точки зрения по двум отдельным разделам в рамках данной работы будут рассмотрены следующие моменты:

Лексико-семантическое поле концепта дом в шугнанской языковой картине мира: существуют разные точки зрения на структуру концепта. Здесь нами предпринята попытка описать семантическое поле концепта *дом*, как путем охвата словарного значения слова и ряда синонимических единиц для именованного жилья в шугнанском языке, так и названий архитектурных элементов памирского дома в контексте фразовых единиц, без которых этот архитектурный артефакт немислим.

---

4 Васильцов К. С. «Алам и Сагир»: К вопросу о символике традиционно памирского жилища // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – С. 150-179.

5 Маслов В. М. Введение в когнитивную лингвистику. Москва. 2011.

6 Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. – С. 41-42

7 Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН-СЛЯ-1993, № 1. – С. 3-9.

8 Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. – С. 90-92.

*Репрезентация концепта *сӀд* в свете обрядовых традиций.* В рамках данной работы акцент делается на концепт как культурная ценность. Каждый концепт в качестве сложного ментального кода наравне со смысловым содержанием охватывает еще оценочную сторону объекта и восприятие носителей относительно этого объекта. Предприняты попытки показать исторические параллели той или иной обрядовой традиции, в частности, в зороастризме.

Настоящая исследовательская работа была проведена на основе материала, состоящего из 900 языковых единиц, собранных автором во время полевых исследований в период с 2014 года по 2017 год. В ходе работы была составлена тематическая картотека, большая часть которой легла в основу данной работы. Экспедиционные исследовательские работы были проведены в Рашткальинском и Ишкашимском районах, а также Бартангской долине и в некоторых кишлаках Шугнанского района (Поршинева, Дарморахт). В двух районах (Рашткальа и Ишкашим) по данной тематике было опрошено около 30 респондентов, в Бартангской долине беседы были проведены с 12 информантами, а в кишлаках Поршинева и Дарморахт с 9 информантами; возраст младшего информанта 50 лет, старшего информанта – 80 лет. Все информанты всю свою жизнь прожили в традиционном памирском доме, знали и соблюдали многочисленные обряды и поверья, связанные с домом. Также необходимо отметить, что автор является носителем шугнанской культуры и шугнанский язык является родным для него, это позволило в ходе изучения лексических единиц учитывать и собственное речеупотребление.

При записи шугнанских лексических и фразовых единиц использована общепринятая международная ирановедческая транскрипция на основе латинской графики, некоторые с добавлением диакритик (*ý, ï, ù, ê, ċ, š, x*) и нескольких букв греческого алфавита (*γ, ϑ, δ*).

Также хотелось оговорить, что всесторонний анализ поставленной задачи – описание содержания концепта дом в шугнанской языковой картине мира едва ли может быть завершён в рамках предлагаемой работы, так как языковой материал, связанный с этой темой огромен, и некоторые направления данной темы все еще остаются открытыми для исследования.

1. Лексико-семантическое поле концепта *дом* в шугнанском языке

Отдельные единицы языка, охватывая целую плеяду информации лингвокультурологического характера, могут хранить в себе характерные особенности этноса. Ярким примером для этого может послужить концепт *дом*, который является одним из самых обусловленных и разработанных концептов в языковой картине мира различных этносов. В сознании человека данный концепт в самых различных его пониманиях функционирует с древних времен. В силу исторического сложения для одних этносов *дом* является пространством для обитания, для вторых, крепостью и опорой, для третьих, храмом, а для других всё вместе взятое. В сознании самых различных этнических групп существуют как общие, так и автономные экспрессивные восприятия, связанные с концептом *дом*. К примеру, отгороженность пространства, называемый *дом*, в широком смысле у любого человека интуитивно вызывает чувства эмоциональной защищенности, покоя, уюта и комфорта. Тогда как, в узких лингвокультурных контекстах этот концепт характеризуется спецификой, присущей только той или иной этнической группе. С развитием социальной жизни обряды и традиции могут изменяться, однако их оттенки веками хранятся в семантике языковых единиц. В шугнанском языке лексема *дом* в совокупности с репрезентирующими ее языковыми единицами является одной из тех лексических единиц,

отражающая феномен, в котором обнаруживается сущность мировоззрения и миропонимания носителей языка.

Традиционный памирский *дом* обладает характерным для данного региона строением, и поэтому в шугнанской языковой картине мира содержание этого концепта, наравне с различными понятиями интерьера, охватывает географические, религиозные, философские, архитектурные и экологические стороны данного вопроса. Для шугнанцев значимость и взаимосвязь всех этих понятий настолько важна, что упустив одну из них, можно дать формальное, не соответствующее действительности, определение концепта *дом*. В этой связи, для дефиниции места и содержания данного концепта в шугнанской языковой картине мира необходимо учитывать всю составляющую информацию исследуемого концепта.

С этимологической точки зрения слово *čīd* восходит к др.-ир. **kata* «дом», к авест. *kata* – «землянка», хот. *kata*, согд. *kt'k, kt-*, ср. перс. *kadag*, перс. *kada*, ягн. *kat* «дом»; ср. по языкам шугнано-рушанской группы: шуг. *čīd*, хуф., руш. *čod*, барт. *čöd*, рош. *čūd*, сар. *čed* «дом»⁹.

Следует отметить, что в шугнанском языке для обозначения традиционного памирского дома исключительно используется лексема *čīd*. Однако, можно наблюдать ряд родовых наименований жилья: *čīd, mālā, xūnā, bunā*¹⁰, сочетание *dar at palandar*, между которыми можно провести относительную дифференциацию по степени их различия в употреблении, а также этнографической информативности. Различия в значениях приведенных лексем характеризуются как языковыми особенностями, так и разнообразием типов построек. Эту дифференциацию можно связывать как с ситуативным применением лексем¹¹, так и с происхождением номинативных единиц. Если лексема *čīd* среди ряда синонимичных слов для именования жилья в шугнанском языке является исконно единицей, то остальные единицы относятся к заимствованному пласту языка: шуг. *xūnā* < перс.-тадж. *xona*¹²; шуг. *mālā*, тадж. диал. *mahalā* «квартал города» к арабскому *mahalla* «помещение», «комната»; *bunā* к тадж. *buna* «дом», «жилье», «гнездо»¹³; сочетание *dar at palandar* // *dar at dargad* обобщенное словосочетание для обозначения «дом», «жилье», «двор» со всеми помещениями. Данные сочетания состоят из заимствованного от тадж. слово *dar* «дверь», исконного союза *at* «и», *palandar* «хозяйство», «жилье», «двор» (со всеми службами), во втором случае *dargad* «двор», «дом знатных людей», «большой двор»¹⁴. Будучи исконной лексической единицей, степень употребительности слово *čīd* намного превышает двух заимствованных. Относительно недавнее образование в шугнанском языке словосложения *poteri čīd* «памирский дом» служит определением традиционной постройки жилого дома и ярко демонстрирует дифференциацию лексем. Соответственно, в рамках данного сочетания слов (или же в таких, как *dod čīd* «отцовский дом», *čīdedi* «новоселье» и многих других) остальные заимствованные лексемы не могут быть аналогом слова *čīd*. Однако различные ситуативные контексты могут демонстрировать, что все три лексемы также могут обобщать общие значения. К примеру, *čīd tar čīd, xūnā tar xūnā, mālā tar mālā* «из дома в дом»;

9 Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. – СП (6), 1999. – С. 128.

10 Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. – СП (6), 1999. – С. 108; Карамшоев Д. Шугнано-русский словарь. Том I. – С. 280.

11 Некушоева Ш. Ситуативное применение синонимичных единиц относительно понятия «дом» // Вестник Таджикского национального университета, 2 (48). Душанбе, 2008. – С. 74-77.

12 Джураев Р. Этимология 100 калима. – Душанбе, 1985. – С. 25.

13 Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ. Чилди I. – Душанбе, 2008. – С. 245.

14 Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ. Чилди I. – Душанбе, 2008. – С. 412.

tar čīd, tar xūnā, tar mālā «в доме», «дома» и т. п. Таким образом, на примере соотнесения трех терминов *čīd, xūnā, mālā* можно выявить, что эти лексемы могут сочетать как самые общие значения, так и конкретные, но в определенных ситуативных контекстах заимствованные лексемы не могут заменить исконное слово *čīd*.

Среди данной группы лексем единственной единицей, которая характеризуется своей этнографической информативностью, является слово *čīd*, объяснить это можно тем, что у шугнанцев, также, как и у всех народов Западного Памира вся составляющая обрядовая и традиционная система, связанная как с постройкой дома, так и с их жизнедеятельностью, исторически происходила именно в традиционном памирском доме, где каждое место и каждый уголок, каждый архитектурный элемент имеет обрядовое значение. На наш взгляд остальные языковые единицы для обозначения жилья в шугнанском языке являются недавними заимствованиями, в силу того, что постройки нового типа жилья вошли в жизнь памирцев в недалеком прошлом.

В основе появления ряда единиц для обозначения одного и того же предмета, как и в основе познания мира человеком, лежит процесс категоризации, так как человеку свойственно сравнивать все со всем, соответственно сходство и различие между объектами устанавливается в процессе сравнения¹⁵. Мы придерживаемся того мнения, что заимствованные единицы для обозначения жилья вошли в речевой обиход шугнанцев именно в силу необходимости проведения различия между традиционным памирским домом и домами нового типа постройки.

Согласно словарю Карамшоева Д. слово *čīd* переводится на русский язык как *дом; двор*. Здесь же приводится ряд языковых единиц с корнем *дом*: *čīdaki* «домосед», *čīdbūn* «охраняющий дом», *čīd(d)edi* «новоселье», *čīd(d)or* «имеющий дом» и т. п.¹⁶

С более близкой с когнитивной точки зрения определение понятия *дом* мы находим у Л. Р. Додыхудоевой, где в одной из своих работ автор, анализируя слово *čīd* «дом», и указывая на его многозначность, утверждает, что данная лексема означает:

- а) дом с двором, окруженный забором;
- б) несколько домов под одной крышей...;
- в) дом, как пространство семьи...;
- г) «свое» пространство;
- д) домохозяйство (счетная единица)¹⁷.

В силу отсутствия толковых словарей шугнанского языка, мы сочли необходимым обратиться к некоторым толковым словарям таджикского и русского языков, где даются следующие определения данного слова:

В словаре таджикского языка:

- 1) жилище с двором;
- 2) здание, которое имеет несколько комнат;

---

15 Шумилова А. А. Лексическая синонимия: традиционное и когнитивное видение проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. – С. 144–148.

16 Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь. Т. III. – М., 1999. – С. 372-374.

17 Додыхудоева Л.Р. Этнолингвистический словарь: «дом», «жилье»; «хозяйство» // Малые языки и традиции: Существование на грани. Вып. I. – М., 2005. – С. 217.

- 3) место пребывания определенных групп людей: *xona-i bachagon* – «детский сад»; *xona-i madaniyat* «культурный центр»¹⁸;

В словаре русского языка:

- 1) жилое (или для учреждения) здание; строение для жилья;
- 2) свое жилье, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство;
- 3) место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования;
- 4) династия, род;
- 5) семейство, семья, хозяева с домочадцами;
- 6) собир. жильцы какого-н. дома (Весь дом сбежался на крик)¹⁹.

В шугнанской языковой картине мира семантическое поле концепта *дом* не охватывает такие определения, как здание для учреждения, династия, жильцы какого-нибудь дома. На наш взгляд определение «хозяева с домочадцами» в сознании шугнанского этноса также не является прямым контекстом семантического поля концепта *дом*, однако данное определение, будучи толкованием понятия *jamāt* «семья» имеет тесную и неразрывную связь с концептом *дом*. В этой связи, в рамках данной исследовательской работы фокус делается на значение «жилое пространство, где проживают люди, имеющие кровное родство», а также пространство, которое шугнанцы непосредственно называют *čīd*.

Семантическое поле лексемы *čīd* охватывает такие ключевые понятия – архитектурные элементы интерьера, как *kicor* «очаг», *pīnz sitan* «пять столбов, на которых держится покров памирского дома», *rūz* «отверстие на потолке традиционно памирского дома», который выполняет функцию окна и отверстия для выхода дыма, *čorxūnā* «четырёхступенчатая конструкция потолочной части памирского дома», *poygā* «самая низшая часть памирского дома», *zīngak* «выступ очага», *nex* «нары вдоль стен», *bučkiyūj* «перекладина между двумя столбами у входа в дом», *čālak* «приступка перед очагом», *widūm* «потолок», *wīs* «потолочные балки». Данную линию, характерных архитектурной структуре памирского дома, понятий можно продолжить десятками других слов, имеющие соподчинительное отношение и играющие немаловажную роль в строение концепта *čīd* «дом». Каждому из этих архитектурных частей свойственны религиозные и философские толкования, уходящие своими корнями в глубокую древность. Среди вышеназванных лексем центральную позицию в семантическом поле концепта *čīd* по убыванию степени важности мы присвоили таким пятью лексемам, как:

1. *kicor*, объединяющая такие ключевые лексемы, как *yoc* – огонь, *garmi* – тепло, *seri* – сытость, *buzurgi* – святость, сакральный, *yagūnagi* – единство, *yinik*, *kaxoy* – женщина, *ziryoṭ* – дети. По традиции в памирском доме на поверхности одной из нар, помещается высоко чтимое место очаг – *kicor*. Очаг, являясь местом возведения огня (*yoc*) и приготовления горячей пищи – два элемента необходимых для физического существования, стал предпосылкой особого отношения к нему у памирцев. Жизненно необходимая функция огня и очага у шугнанцев, как и у многих других индоевропейских народов, имеет культурно-ритуальную значимость. Очаг, выступающий в сознании шугнанца в качестве высоко чтимого места и оси памирского дома, символизирует родной порог, родной дом, святость и чистоту.

¹⁸ Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ. Чилди II. Душанбе, 2008. – С. 445.

¹⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-ое издание, 1992. – С. 9.

Фото 2: Очаг памирского дома старой постройки
(из архива к. и. н. Шоинбекова А., сделанное на левобережье реки Пяндж, Афганистан в 2019 г.)

2. *pīnz sitan* – пять столбов, в силу религиозных значений, а также связанных с ними обрядовыми ритуалами и традициями, эти столбы репрезентирует лексемы *tozagi* – чистота, *buzurg* – святой, *osoyaḫi* – покой, *tawftiq* – удача, *tartīb at nizūm* – порядок и последовательность, *barakat* – благодать, *yagūnagi* – единство, *pok* – духовно чистый. Если ранее отрубленные деревья представляли собой просто бревна для постройки традиционного дома, то после их вставления на места, эти столбы (*sitan* – «столб» к перс.-тадж. *sutun* «столб», «колона»²⁰) приобретают особое значение; бревна превращаются в символы – покровители благодати и покоя, чистоты и святости как самого пространства дома, так и людей проживающих в нем. Согласно верованиям памирцев, эти пять столбов раньше персонифицировали пять зороастрийских божеств – Суруша (божества или ангела послушания и дисциплины, мужской силы, символа вечной жизни и счастья), Мехра (божества любви), Анахиты (божества плодородия и покровительницы женщин), Замйада (божества земли) и Озара (божества огня)²¹. Однако после появления на мировой арене Ислама и его распространения вся философско-космологическая интерпретация, как этих столбов, так и всех других архитектурных элементов вместе с обрядовой традицией трансформировалась и обрела новое исламское значение, а наличие пяти столбов внутри традиционного памирского дома стало символизировать пять представителей шиитской ветви Ислама: пророка Мухаммеда (с), Имама Али (а), дочь пророка и жену имама Али Фатиму (а), и их сыновей Хасана (а) и Хусейна (а). Каждый из пяти столбов имеет свое название, отражающее языковую картину мира этносов – носителей шугнанского языка. В частности, эти столбы именуется в зависимости от своего предназначения или местонахождения. Столбы являются олицетворением чистоты и святости традиционного памирского дома, так как само их существование и символизм практически присваивают данному дому статус храма. Ибо испокон веков памирцы не возводили храмы и мечети для молитвы, они практиковали свою религию в стенах своего дома, стоящего на пяти столбах и таящего в себе

20 Джураев Р. Этимология 100 калима. – Душанбе, 1985. – С. 28.

21 Шохуморов А. Памир – страна ариев. – Душанбе, 1997. – С. 128-137.

все религиозные стороны верования данных этнических групп. Следы подобного отношения к дому наблюдаются и в раннем зороастризме: «Вероятно, также как и во времена язычества, обряды совершались обычно в доме жреца или в доме человека, который просил об этом. Ранний зороастризм не нуждался в священных зданиях, ни в постоянных алтарях и не оставил никаких следов археологам»²².

Несмотря на то, что на практике при постройке нового дома возводятся пять столбов, среди шугнанцев до сих пор широко бытует выражение *čorsitan čīdow* «установление четырех столб», что и свидетельствует об изначальном существовании в традиционном доме четырех, а не пяти столбов. Процесс вставления столбов является значимым событием и сопровождается закалыванием барана, своего рода жертвоприношением, а также чтением Суры из Корана. С распространением Ислама, в частности, принятия исмаилизма, значение пяти столбов приняло иной облик и начало интерпретироваться с точки зрения исламского вероучения, столбы же стали персонифицировать *panj tani pok* или *āli bayt* «пять святых лиц» // «члены семьи» Пророка Мухаммада (с). На сегодняшний период данная интерпретация в сознание шугнанца практически передвинуло на задний план изначальное значение пяти столбов.

Наравне с четким делением интерьера дома на женскую и мужскую половину, религиозная трактовка самого архитектурного интерьера памирского дома, а в частности, присутствие упомянутых пяти столбов также является олицетворением *семьи*, объединяющая в себе значительную часть выше приведенных терминов родства. Этими пятью столбами являются: главный столб – *xāsitan* (*xā* – «царь» *sitan* «столб») персонифицирует Пророка Мухаммеда (с), а в его лице в качестве члена семьи подразумеваются такие понятия, как *отец*, *дед* и *свекор*. Столб носит защитный характер и символизирует благодать дома. Шугнанцы называют главу – отца семьи именем данного столба – *xāsitan*, ср.: *tama dod tama xāsitan* // ваш отец ваш царь-столб; *wef xāsitan az miyen sut, wefard taš muḫkil sūd* // их глава семьи скончался, теперь им будет трудно (жить).

Четыре остальных столба являются воплощением четырех стихий: *hok* – земля, *has* – вода, *awo* – воздух и *uoc* – огонь. *voḷžnēxsitan* (*voḷžnēx* – одна из разновидностей нар: *voḷž* – удлиненный, *nēx* – нары) – столб, вставленный в конце удлиненных нар, является олицетворением Али (а) (в доисламский период – Мехр, первоэлемент ветер, воздух) – двоюродного брата и зятя Пророка. В лице Али (а) подразумеваются такие родственные термины, как *отец*, *зять*, *муж*, *брат*, *племянник*; *kicōrsitan* (*kicōr* «очаг», *sitan* «столб») – персонализирует дочь Пророка Фатиму (а), жену Али (а) и мать Хасана (а) и Хусейна (а) (в доисламский период – Ардвисура Анахита, элемент вода), следовательно, в ее лице олицетворены термины родства *мать*, *дочь*, *жена*. Фатима (а) считается хранительницей очага, покровительницей женщин и символом чистоты и благочестия; две другие столбы *poygāsitan* (*poyga* «основание, пол памирского дома») и *bārñēxsitan* (*bār* «широкий», «высоко чтимый») в последовательности являются олицетворением Хасана (а) (доисламский период – Замяд, элемент земля) и Хусейна (а) (доисламский период – Озар, элемент огонь) – двух сыновей Али (а) и Фатимы (а) и внуков Пророка Мухаммеда (с). Здесь создается впечатление ментального присутствия святой семьи и физического обитания другой проживающей внутри памирского дома семьи – людей, также имеющих кровное родство, что, по сути, удваивает значимость и взаимосвязь концептов *čīd* – дом и *jamāt* – семья в шугнанской языковой картине мира.

22 Мэри Бойс. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Санкт-Петербург, 1994. – С. 60.

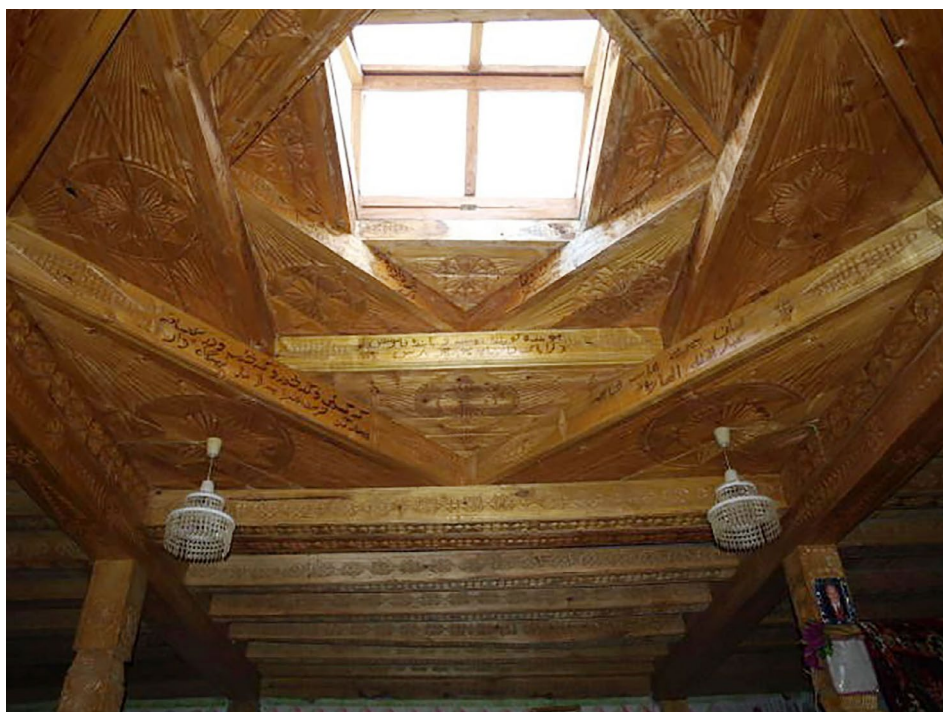

Фото 3 и 4. Потолочная конструкция памирского дома:
первая фотография – дом более старой постройки с узорами свастики,
нанесенные во время Навруза (из архива автора)

3. *rūz* – продух, отверстие на потолочной части дома, которое оставляется во время прикрытия традиционного дома. Функциональное предназначение продуха заключается в освещении помещения природным дневным светом, а также в выходе дыма от огня наружу. Раньше при разведении огня в доме, в связи с отсутствием специально сооруженной трубы для выхода дыма наружу, продух оставляли открытым²³. Дым годами оседал на бревна потолка дома настолько, что из-за сажи не было видно естественного цвета древесины. Данная часть традиционного дома обрядовое значение приобретает во время праздника весеннего равноденствия – *xidīr ayūm*²⁴.

4. *čorxūnā* – объединяет лексемы *awo* – как в значении воздух, так и небо, *tabiat* – природа, первоэлементы *zimād* – земля, *ħac* – вода, *yoc* – огонь и *awo* – воздух. Продух с внутренней стороны дома обделывается специальной четырехступенчатой конструкцией *čorxūnā* «ступенчатая конструкция потолка». Слово *čorxūnā* (к перс.-тадж. языка: *čōr* «четыре»²⁵ и *xūnā* // *xonā* к тадж. *xona* «дом», букв. «четыре дома»), где при именовании взяты во внимание внешние особенности ступенчатой конструкции, в картине мира памирцев четыре уровня данной конструкции символизируют четыре элемента: *zimād* – земля, *ħac* – вода, *yōc* – огонь, *awo*, тадж. *havo* (*ħūz*) – воздух (ветер). В миропонимании арийцев эти четыре элемента являются первоисточниками всего творения, как на Земле, так и во всей вселенной. Следует отметить, что раньше продух со ступенчатой конструкцией использовался как для отвода дыма из помещения и обеспечения хорошего освещения жилого помещения, так и играл роль солнечного календаря и солнечных часов²⁶. С философско-космологической точки зрения значение *čorxūnā* «ступенчатая конструкция» и *rūz* «продух» заключается в их олицетворении неба; продух является неким проходом – порталом и связующим звеном обитателей дома с небесами.

5. *poygā* – самая низкая часть памирского дома в широком смысле репрезентирует лексему *zimād* – земля. Следует отметить, что лексема *poygā* (обще иранская единица, перс.-тадж. *poygoh* «место у входа для снятия обуви в жилых помещениях старого типа», «степень», «достоинство», перс.– тадж. *po* «нога» и *gā*, тадж. *gah* // *goh* «место») в шугнанском языке используется исключительно для обозначения основания памирского дома, а в случае этажных домов или построек нового типа используется заимствованное из русского *пол*. Раньше данную часть памирского дома не покрывали древесиной, а оставляли в виде почвы. С космологической точки зрения *poygā* является репрезентацией Земли и имеет непосредственную связь с *rūz* – небесами. Клочок земли, на котором возведен дом, перед постройкой очень тщательно выбирался. Так как, согласно поверьям памирцев, земля для возведения дома не должна быть спорной (*janjoli māved*) или же дом должен быть построен на отцовской, дедовской земле (*dod zamīn* «отцовская земля», *bob zamīn* «дедовская земля»), на которой существует словесное благословение старших – *piyil sudjin*. Даже уже построенный дом, если передаётся по наследству, очень важно, чтобы существовало на то благословение старших, родителей. В обратном случае в доме, построенном на спорной земле, не будет покоя, счастья и благодати – *janjoli čīdand osoyaħi nist* // в спорном доме нет покоя. Ибо даже духи предков могут проклинать постояльцев дома за своеобразие и неполучения благословения на дом или на землю для постройки дома: *di čīd pi xu fištīr virod lāk, tu dodi di dird piyil čūd, wi arwora qār*

23 Шишов А. Таджики (Этнографическое исследование). – Алматы, 2006. – С. 121-122.

24 Юсуфбеков Ш., Шоинбеков А. Шогун бахор. Душанбе, 2019.

25 Джураев Р. Этимология 100 калима. – Душанбе, 1985. – С. 28.

26 Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья). Вып. II. // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, Т. XI. Подготовлен к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А. К. Писарчик. Изд. АН Тадж. ССР. – Сталинабад, 1958. – С. 163.

māyodd // Оставь этот дом своему младшему брату, твой отец завещал его ему, (чтобы) дух его не разозлился. Такие языковые единицы как: *uz di čīd turd piyil kinum (nakimum)* // я даю (не даю) тебе благословение на этот дом; *yid zamīn māš-ard piyil sudj (nasudj)* // на эту землю мы имеем (не имеем) благословения, *piyil nasudjin čīd-and barakat nist* // в не благословенном доме нет благодати свидетельствуют о скрупулезном отношении шугнанцев в выборе, как места для жителя, так и наличия благословения на пространство для постройки дома или проведения там жизни. Таким же образом, формулировка *yu čīd xu ti yičiyaθ nalākixt* // тот дом в себя никого не пускает, ярко демонстрирует веру шугнанцев в благословенность и не благословенность дома, то есть если дом не имеет благословения, то он не пускает в себя тех, кому он не завещался. Шугнанцы глубоко уверены в том, что домочадцы дома, на которое не имеют благословения часто уезжают, или хуже того члены их семьи часто умирают, или дом часто пустует, а также часто переходит из рук в руки.

Возведение дома у шугнанцев считается *bulodi kor* букв. «фундаментальное дело», то есть его строят для проживания в ней целую жизнь, а то и в несколько поколений. Поэтому, в речи старшего поколения часто можно услышать формулировку: *čīdmīzd yid bulodi kor, ba maslāt di kin-et* // постройка дома это фундаментальное дело, делайте это советуясь. В постройке дома не должно использоваться что-либо нечистое, оскверненное (*arūmanj čīdmīzdand boyad māved* // в построении дома не должно быть запачканной (вещи), а место для его возведения должно быть согласованно со старшими в семье – *katanaken peχstow darkor* // нужно спрашивать старших. Вероятно, корни подобного отношения к земле для постройки дома также вытекают из глубин истории народов Западного Памира. В третьем Фрагарде Авесты, посвященной земле и земледелию на вопрос «где второе по счастью место для Земли» Ахура-Мазда отвечает:

«Там, где верующий возводит дом,
в котором есть огонь,
скот, жена, дети и добрые стада;
где умножается скот, добродетель,
корм, собаки, жена, дети, благополучие»²⁷.

Содержание данного отрывка говорит о том, что даже в те далекие времена дом олицетворялся с огнем, семьей, хозяйством и благополучием, а земля, носящая такой дом, считалась счастливым местом, а такие деяния, как возведение дома, обработка земли, умножение домашних животных являлись положительными нравственными качествами человека, стремлением к добру и к избеганию зла. Эти добродетели по сей день у шугнанцев считаются благими деяниями, ибо дом без огня и семьи, хозяйство без домашних животных считается неблагополучным домом. Такие выражения, как *kūdak sado wef čīdand nist* // в их доме нет голоса ребенка, или *yi bêyjaθ wefand nist* // (даже) одной овцы (букв. блятеля) у них нет – показывают полную картину понимания благополучия дома в сознании шугнанца.

Слово *poygá* встречается в составе устойчивого сочетания фразеологического оборота *poygá-tīr xu dust zinédow* «быть гостем», например, *yu mudūm maš poygá-tīr xu dust zined* «он частый гость в нашем доме» (букв. «он часто моет свои руки на нашем *poygá*»). Необходимо отметить, что раньше на основании памирского дома соорудалась специальная яма, углубление *obxīn* (к

²⁷ Авесто. Закон против дэвов (Видевдат). Адаптированный перевод Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, Е. В. Абдуллаева. Санкт-Петербург. 2008. – С. 85.

перс.-тадж. *ob* «вода» и *xīn* к перс.-тадж. *šīn* осн. нас. вр. «сидеть»), функциональная принадлежность которой заключалась в стоке использованной воды, к примеру при мытье рук, головы и т. п., отсюда и происхождение упомянутого фразеологического оборота.

В совокупности все пять лексем репрезентируют общие слова *Хидоу* – Бог, *mazab* – религия, *sunat* – традиция, *emūn* – вера, также в значении честь и совесть, *xarm* – стыд, *tartīb* – порядок, *ayot*, *zindagi* – жизнь. В шугнанской языковой картине мира многие из этих понятий являются основными автономными концептами, исторически вложенные в концепт *дом*, через призму которых формировалось миропонимание и морально-нравственные ценности как шугнанцев, так и всех этнических групп Западного Памира.

В шугнанской языковой картине мира *дом* наравне со значениями жильё, место постоянного или временного проживания также может материализовать идею происхождения человека. Такие фразовые единицы, как *dod čīd* «отцовский дом», *boboyi čīd* «дом предков», *nān zīngak* «материнский дом», *dod zīngak* «отцовский дом», *dod zimāđ* «отцовская земля», «отцовский дом», *bob zimāđ* «земля предков», «родной дом» наравне с выражением корневых истоков человека формулируют личную, родную атмосферу, душевно и ментально связанную с человеком. Языковые единицы *dod čīd* и *boboyi čīd* отражают почтительное отношение носителей языка к отцовскому дому, к дому предков. Нежелательным у этой этнической группы является без всякой резкой причины сносить отцовский или дедовский дом, ибо они уверены, что это может стать причиной беспокойства духа предков – *arwogūn nosoyax sen* и вызвать гнев духа предков – *arwogūn qār kinen*. Если же отцовский/дедовский дом сносится, родственники обязательно производят жертвоприношение во имя духа предка – *ba nūmi arwogūn xidoysi čīdow*. Васильцов К.С. об этом обряде пишет, что приглашаются старики и халифа села и «приготовленные ритуальные блюда относят на кладбище и затем съедают у могилы предка. После этого читают молитвы, просят у предка разрешение на снос дома, а затем зажигают на могиле светильники и оставляют их на два-три дня. Считается, что эти действия способствуют тому, чтобы дух предка «благосклонно» отнесся к просьбе и разрешит снести старый и построить новый чид»²⁸.

Составной частью фразовых единиц *dod zīngak*, *nān zīngak* является лексема *zīngak* «выступ очага». Относительно лексической единицы *nān zīngak* букв. материнский выступ очага следует отметить, что мнения информантов разошлись. Одна из групп говорила, что такого выражения не существует, тогда как другие говорили, что в зависимости от ситуативного применения, это выражение наравне с единицей *dod zīngak* букв. «отцовский выступ очага», также могут иметь иронически-отрицательное значение²⁹. Необходимо отметить, что сложения *dod zīngak*, *nān zīngak* могут носить как положительное, так и отрицательное значение: *xu dod zīngak tiyut nūšć* «я нахожусь в своем отцовском доме»; *yam na tu dod zīngak* «это не твой отцовский дом». *zīngak*, являясь частью очага, в данных контекстах олицетворяет родной дом, ибо сам очаг – *kicor* испокон веков был и остается центром объединения всех членов большой семьи, равномерно дарующий им тепло и свет. В аналогичных контекстах подсознательно лексемы *čīd*, *kicor*, *zīngak* отождествляют понятия *семья*, *отцовский дом*, *родина*, *родная земля*, *корни*, *родной порог*, *род*.

28 Васильцов К. С. «Алам-и Сагир»: К вопросу о символике традиционно памирского жилища // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – С. 164.

29 Некушоева Ш. С. Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики (на материале шугнано-рушанской группы памирских языков, Душанбе, Эр-граф. 2019. стр. 29).

До сих пор у шугнацев понятия *дом* и *очаг* не утратили своего сакрального статуса. В силу того, что очаг является местом огня – *уос*, и который испокон веков почитался разными народами мира, шугнанцы имеют особое отношение к нему. *Очаг* и *огонь* являются источниками тепла, света, жизни, местом, где готовят еду, местом единства и сплочения всех членов семьи, и поэтому место вокруг очага всегда должно содержаться в чистоте. Подобное, почти культовое отношение к очагу и огню своими корнями, на наш взгляд, уходит в далекое прошлое. Анализируя обряды и законы зороастрийцев, М. Бойс пишет, что многие из этих нормативных актов «...восходят, очевидно, еще к индоиранской эпохе, потому что они аналогичны и у зороастрийцев, и у брахманов... Пищу необходимо готовить тщательно, соблюдая абсолютную чистоту, а есть его нужно почти благоговейно... Точно также и обращались с огнем – сжигать на нем мусор для зороастрийца не мыслимо»³⁰.

Очаг, являясь высоко чтимым местом, в сознании шугнанца олицетворяется с родным порогом, с родным домом, со святостью, с честью и с чистотой. Такие запреты, как запрет перепрыгивания через очаг «*kicor tar tūr ta nazibanen*» (нельзя прыгать через очаг) или наступать на очаг, когда поверхность его закрыта «*kicor ti ta nanixpen*» (нельзя наступать на очаг), «*ar kicor ta tuf nakinen*» (нельзя плюнуть в очаг), а также такой обряд как *alowparak* «перепрыгивание через огонь в день Навруз», что согласно поверьям данный процесс очищает людей от грехов и нечисти, указывают на почитание очага и огня шугнанской этнической группой. Подобное отношение к родному очагу, к своему дому, стоящего на пяти столбах, олицетворяющего пять святых лиц – знатных представителей Ислама у шугнацев выработало ряд запретов и поверий, следовать которым по сей день считается обязательной директивой. Эти запреты и поверья до сих пор имеют глубокое влияние на морально-этические стороны жизни данного народа.

Интерьер традиционного памирского дома изначально разделен на несколько частей. Двумя основными параллельными сторонами, в частности, определяющие место мужского и женского начала, являются сторона с очагом – женская часть, где она готовит пищу, занимается домашними делами, растит и воспитывает детей, а если в доме свадьба, то невесту наряжают, и в процессе свадьбы ее усаживают близко к этой территории; а также параллельная сторона очагу, что представляет собой *bārnēx* – разновидность нар, для сидения и сна является почетным местом и образует мужское пространство. С одной стороны женщина – *yīnik*, *kaхоу* «женщина», а в ее лице *nān* «мать», *уах* «сестра», *yīn* «жена», *rizīn* «дочь», *xīx* «теща» или «свекровь», *mūt* «бабушка», *nibēs* «внучка», *xiyūn* «невестка» или «золовка», *zinaŷ* «невестка – жена сына» – занимает самое высокое место (*kicor*) в памирском доме, и с другой стороны параллельно ей находится почетное месторасположение мужчины – *čorik*, *mardinā* «мужчина», в лице которого выступают *tāt* «отец», *virod* «брат», *čor* «муж», *pus* «сын», *xisur* «свекор» или «тест», *bob* «дедушка», *nibos* «внук», *xisīrʒ* «брат мужа» или «муж сестры», *dūmod* «зять». Несмотря на четкое деление положений в пространстве, памирский дом на равных правах объединяет мужское и женское начало, чем самым выражает равенство в творении человечества. Приведенные термины родства являются составной частью семантического поля концепта *jamāt* «семья», «родня», который в свою очередь крепко взаимосвязан с концептами *čīd* «дом», *kicor* «очаг». Эта связь концептов *дом* и *семья* является фундаментальной, основной связью двух родственных понятий, которые «относятся к числу долговечных и значимых в сознании и культуре человека»,³¹ в миропонимании же шугнанской этнической группы такая основная фундаментальная

30 Мэри Бойс. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Санкт-Петербург, 1994. – С. 58.

31 Конструбина И. А. Типы концептов: Гиперконцепт семья – дом // Вестник Пермского Университета (Российская и зарубежная филология). Вып. 6 (12). Пермь, 2010. – С. 51.

связь ярко выражена в семантике языковой единицы *čīdjamāt* «члены семьи», «домочадцы», букв. «дом-семья»: *tu čīd-jamāt-ard-um salūm lūd* «Я передал привет твоим домочадцам»³².

В шугнанской языковой картине мира дом также является воплощением четырех стихий. Самая верхняя часть памирского дома *čorxūnā* – четырехступенчатая конструкция потолка объединяет первоэлементы *zimād* – земля, *ḫac* – вода, *yoc* – огонь и *awo* – воздух, а перекладина между двумя столбами при входе – *bučkiyīj* содержит изображение солнца – *ḫīr*. Данный контекст включает в себе прямую связь человека с природой, с окружающим нас миром, с живой средой, в широком смысле с понятием жизнь – *ayot, zindagi*. По большому счету памирский дом есть воплощение Планеты Земля и Вселенной, являющиеся общим *домом* для всего человечества. Вся космологическая и этико-философская сторона, выраженная архитектурными элементами традиционного памирского дома, в повседневной жизни для шугнанца являются источником его морали и традиций.

2. Репрезентация концепта *čīd* в свете обрядовых традиций

Основным центром концепта является ценность, поскольку концепт тесно связан с культурой, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Как правило, концепт представляется в виде круга, в центре которой находится ядро концепта – основное его понятие, периферию же этого круга составляет то, что связано с культурой, традициями, народным и личным опытом.³³

Люди строят и формируют дом, с целью проживания в ней жизни, наравне с этим этот артефакт, в свою очередь строит и формирует людей как личностей. Дом как артефакт и домочадцы, проживающие в ней жизнь, становятся единым целым, а традиционные бытовые обряды и ритуалы, становятся воплощением их представлений о своем жилище. Обрядовые традиции, связанные с традиционным памирским домом и сопровождающие шугнанцев с момента их рождения, настолько имеют значение в их жизни, что находят свое отражение в системе их взглядов на мир и восприятия окружающей среды через призму языковых единиц. Эти языковые единицы в свою очередь воссоздают веками накопленную мудрость народа. Исходя из этого, анализ традиционно-обрядовых репрезентантов концепта *дом* на материале шугнанского языка позволит выявить содержание концепта дом в том виде, в котором он отражен и зафиксирован в языке. Приблизительно каждый уголок, каждый архитектурный элемент и процессы, связанные с домом отражают всю составляющую культурно-этическую сторону бытия шугнанцев, их миропонимание и мировоззрение. Поэтому, в рамках данного раздела предпринята попытка проанализировать суть и значимость обрядовых традиций через призму ряда языковых единиц, отражающие, и раскрывающие составляющие стороны концепта дом в шугнанской языковой картине мира.

У шугнанцев понятие *дом* связано с религиозными и языческими представлениями. Многочисленные фразовые единицы отображают восприятие артефакта дом как сакральное помещение, некий храм, обрядового Божьего пространства. На Западном Памире традиционный дом для жителей этого региона также был ореолом чистоты и праведности человеческого бытия, вероятно, поэтому многочисленные обряды и ритуалы совершаются именно в рамках

32 Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь. Т. III. – М., 1999. – С. 374.

33 Маслов В. М. Введение в когнитивную лингвистику. Москва. 2011. – С. 54-55.

пространство называемый *čīd*. Васильцов К. С. пишет, что «...памирский чид – это своего рода синкретический текст, в котором с той или иной степенью полноты зафиксированы идеи представления памирцев о структуре космоса, восходящие как к доисламским верованиям, так и к установлениям ислама»³⁴.

Интересным моментом является изучение языковой репрезентации концепта *дом* в свете традиционных обрядов именно на базе выражений и фразовых единиц. У шугнанцев начиная с намерения постройки, и кончая завершением строительства дома, существуют многочисленные обряды и обычаи, находящие свое отражение именно в этих языковых единицах. Такие фразовые единицы, как *kiryār čīdow* «созывать на помощь»; *kiryār sidow* «идти на помощь» отображают многовековую традицию населения Западного Памира, которое выражается в оказании безвозмездной помощи соседу, близкому человеку. Испокон веков среди народностей этого региона бытовала традиция жить и работать сообща, помогая друг другу в тяжелых и трудных работах. Данная традиция настолько укоренилась в жизни людей, что на помощь шли с осознанием всей составляющей этической стороны данного действия. Данное слово распространено во всех памирских языках и является старой адаптацией перс.-тадж. *kār-yār*. букв. «работа-друг», то есть помощник в работе.

Построение традиционного памирского дома, как и постройка любого помещения, процесс очень сложный и долгий. Поэтому с процессом постройки памирского дома связаны многочисленные обряды и поверья. Перед тем как начать строительство дома, хозяин посещает религиозного лидера (шуг.-руш. *xalīfā* < араб. *xalifa* «наместник», «халиф», «преемник»), с целью уточнения благоприятной даты – *soat-at zamūn fāmto* для начатия строительства. Шугнанцы, так же как и все другие этнические группы Западного Памира, считают, что если начать строительство дома в неблагоприятный день, то в семье, которой предстоит там жить, не будет покоя, счастья и благодати. Подобная боязнь ярка передается формулировкой *nās rūzanden bulod weđj, osoyaχi di xūnayand nist* // в неблагоприятный день закладывали фундамент, нет в этом доме покоя.

В силу того, что *дом* для шугнанца является не просто архитектурным объектом, а является некой микромоделью космоса, к постройке дома тщательно готовились и учитывались любые тонкости общественной и духовной жизни, важным считается соблюсти все обряды и традиции. Выражения *soat-at zamūn fāmto* «уточнение благоприятной даты» при начатия постройки дома; *dod//bob zamīn* «отцовская//дедовская земля» в значении родного края при выборе места для постройки дома; *s(i)traxm weđdow* «окуривание благоуханного растения (анафалис)» при возведении фундамента дома; *qurbūni čīdow* «принести жертвоприношение», *tangā ar bulod pitēwdow* накладывание каких-либо монет в углубление для фундамента выражают мысль о доме, как о некоем сакральном пространстве для установления, или укрепления духовной связи человека с Богом или другими сверхъестественными существами, а также отражают идею создания почвы для благополучия, благодати и изобилия будущего дома, именно в момент начала строительства дома.

---

34 Васильцов К. С. «Алами Сагир»: К вопросу о символике традиционного памирского жилища // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-884314-159-6/ © МАЭ РАН.

В частности, существует ряд запретов относительно самого пространства дома, несоблюдение которых согласно поверьям шугнанцев может навредить благополучию, спокойствию жилья. Считается, что в доме нельзя свистеть – *tar čīd ta xelak nakinen*, или в доме нельзя хлопать в ладоши – *tar čīd ta čapak nađen*, а также вечером нельзя дробить косточки или орехи (или что-то похожее) в доме – *xūm ta tar čīd xoj yo bojak najuken*. Согласно поверьям памирцев нарушение этих запретов отгоняет ангелов и привлекает в дом демонические силы – *farixtagūn tiyen at dew at jin jām sen* // ангелы уходят, а черты и джины приходят. Подобные запреты свидетельствуют о том, что в миропонимании, шугнанцев *дом* является некой защитной оболочкой для проживающих в ней жизнь людей, а те в свою очередь, создавая систему правил и норм поведения внутри дома, так же заботились о благополучии пространства и ауры дома. Наравне с этим можно наблюдать, что с давних времен использовались различные амулеты, как магические средства для защиты дома. К примеру, в Бартанге нами был обнаружен дом, где на бруске между двумя столбами при входе – *bučkiūj* висел кусок кости убитого животного. Дом был настолько старым, что ни владельцы, ни старики села не только не помнили кем был повешен кусок кости на бруске, и какому именно животному он принадлежит, но и не смогли припомнить кто был первым владельцем данного дома. Однако домочадцы до сих пор уверены, что кость защищает дом и его обитателей от сглаза и порчи – *sem čīdow* «сглазить», «наносить порчу». Вероятнее всего, кость принадлежала некогда убитому животному при совершении обряда жертвоприношения, или же убитого на охоте архару, который у памирцев считается священным животным.

Фото 5. Главный столб традиционного дом (из архива автора, г. Хорог, 2009 г.)

На наш взгляд, обряд завязывания *xāsitan* «главного столба» веревкой, которая ранее являлась частью традиционного жертвоприношения, также воспринимается как некий амулет – оберег³⁵. Памирцы считают, что сон около *xāsitan* причиняет тяжелые ощущения, и спящему человеку возле него, будут сняться кошмары. Это способствовало формированию в сознании памирцев веры в то, что «*xāsitan bīrand xēvdow wazmin*» – спать около *xāsitan* тяжело. Поэтому, когда на праздник Курбан совершается обряд жертвоприношения, веревка, сплетенная из шерстяной пряжи и привязанная к шее барана после ее закалывания, кидают в собравшуюся толпу и тот, кто поймает ее, приносит в дом и завязывает ею главный столб дома, будучи уверенным, что далее находиться и спать около этого столба будет безопасно. Веревка в этом случае в силу того, что была частью очень важного обряда жертвоприношения, во время которой читают аят из Корана, в сознании шугнанца теперь магическим образом превратилась в защитный амулет. Если в доме нет такой веревки, то *xāsitan* обязательно завязывают любой красной материей, так как согласно поверьям шугнанцев красный цвет отгоняет злых духов. Необходимо отметить, что раньше в качестве сырья для данного столба использовали древовидный можжевельник – арчу (*ambaχc*). Это дерево у шугнанцев также наделено священными свойствами, некими защитными силами. В совокупности, выбор древесины арчи для изготовления главного столба и обряд его завязывания в сознание шугнанца больше усиливают значение данного столба в качестве амулета – защитника порядка, благоустройства и покоя дома и всех домочадцев.

Одним из ключевых репрезентантов концепта дом в шугнанском языке является лексема *kicor* «очаг», с которым связано ряд обрядовых традиций. В частности, высоко чтимым местом здесь является выступ очага – *zīngak*. Такие лексические единицы, указывающие на наличие обряда поклонения очагу у шугнанцев, как: *dod zīngak* букв. «отцовская выступ очага», в значении родного порога, *zīngak daryeftow // zīngak daryov čīdow* букв. «оказать почесть выступу очага», *zīngak ti bā čīdow* букв. «целовать выступ очага» отражают культурно-поведенческий, вековой опыт памирцев. Эти обряды и ритуалы стали предпосылкой формирования таких поверий как: *kicor tartīr ta na-ziban-en* «нельзя прыгать через очаг», *kicor ti ta na-nīχp-en* «нельзя наступать на очаг (когда поверхность его закрыта)»; *ar kicor ta tuf na-kin-en* «нельзя плюнуть в очаг» или *zīngak ti ta na-nīθ-ēn, yid farixtā joy* «нельзя садиться на выступ очага, это места духа// ангела». Запреты эти, в качестве табу указывают на сакраментальность и культовую функцию очага, и их нарушение считалось осквернением данного сакрального места.

Невесту наставляют такими напутственными словами, как: *ar čīz ca-vud to šičec xu dod zīngak ti lāk /* все, что было до сих пор (в твоей жизни) оставь на отцовском выступе очага. Подобное наставление невесте, собравшаяся покинуть отцовский дом и переступить порог дома жениха, отражает культурно-поведенческий опыт веков, нравственные нормы, вложенные в порядок жизни сообщества, такие как уважение и почитание порядка жизни другого – чужого дома, почтительное отношение к членам семьи жениха, умение принять новые, чужие порядки и нормы жизни.

Единицы *zīngak daryeftow* «поклонение очагу»; *barakati zēxtow* «брать изобилие и благо (отцовского дома)»; *naql čīdow* «рассказывать (истории у очага)»; *sūg lūvdow* «рассказывать сказки (у очага)» указывают на восприятие очага как оси – божественного центра дома среди народов Западного Памира. Каждый из домочадцев, кто собирается в далекий путь, обязательно совер-

35 Шохуморов А. в своей работе «Хонаи пайравони ростин» пишет, что этот столб с тех арийских времен является *miyendvisčīn* – «подпоясанный». Еще Зороастра, передавая слова Ахура-Мазды землянам, о Суруше говорит, что он ремнем пояса завязал и стоит на страже творения Мазды. [Шохуморов А. Памир – страна ариев. – Душанбе, 1997. – С. 129-130].

шает обряд «поклонения очагу» – традиция, которая отражается в единицах *zīngak daryêftow/ zīngak daryov čīdow*. Эта традиция заключается в прикосновении кончиками пальцев обеих рук к выступу очага, затем поднесения их к губам, а затем ко лбу. При этом путник просит у отца или матери, или старшего в доме благословения на путь – *duo zêxtow* букв. «брать молитву», путем прочтения молитвы из Корана или специальной молитвы для провода на путь или совершения какого-либо мероприятия. Собираясь покинуть дом, невеста тоже совершает обряд поклонения очагу³⁶. В данном случае этот обряд заключается в том, что невеста подходит к благовонию (шуг.-руш. *s(i)traxm* «анафалис»), зажженному исключительно на *zīngak* – выступ очага. Подносит обе руки к благовонию, затем как бы мажет лицо этой благодатью, или последовательно подносит пальцы к губам, а затем ко лбу, при этом возносит хвалу Богу и просит благословения. Вслед за ней к очагу подходит жених, также совершает данный обряд, с целью выражения благодарности и уважения очагу дома отца своей невесты. Считается, что благовоние зажженного анафалиса изгоняет злых духов и нечистую силу, как из дома, так и с пути путника. Окуривание данного растения является распространенным процессом среди всех этнических групп Западного Памира. Согласно поверьям наравне с изгнанием злых духов *s(i)traxm* способствует благоприятной обстановке в доме и успешному завершению любых начинаний. Поэтому окуривают данное растение при самых различных событиях, начиная от рождения младенца и заканчивая похоронным обрядом, то есть в жизни народов заселяющих Западный Памир *s(i)traxm* «анафалис», к которому присваивается сакральное происхождение, связанное с именем первого шиитского Имама Али (а), и в силу безграничного уважения и почитания Имама Али (а) среди исмаилитского населения Памира, занимает очень важное место. Легенда гласит, что Имам Али (а) когда-то в жаркое время года проходил по безводным и безлюдным долинам Памира, от жары и усталости по всему Его телу пот стекал струями, и там, где капли пота падали на землю, прорастал *s(i)traxm* «анафалис». Сакрализация данного растения у современных шугнанцев связано именно с данной легендой и именем их первого Имама. Однако, на наш взгляд, почитание анафалиса связано с культом огня и истоки подобного обряда уходят в далекое прошлое. Вероятно, у шугнанцев, также, как и у всех этнических групп Западного Памира, *s(i)traxm* является тем самым душистым растением – одним из трех элементов, которое использовалось в процессе жертвоприношения огню у древних арийцев, у которых «жертвоприношение состояло из сухих чистых дров, благовоний (сухих листьев или трав) и небольшого количество животного жира. ...Огонь набирался сил с помощью двух приношений от растительного царства и одного от животного»³⁷. Необходимо отметить, что аналогичные черты остаются характерными и для шугнанцев, которые как правило, зажигают *s(i)traxm* на раскаленном угле – *yêz* как часть огня, вынутое из очага непосредственно перед совершением обряда поклонения очагу или, возможно, давно ушедшее в прошлое культа огня. Также шугнанцы, с целью окуривания пространства дома, обязательно используют измельченный руками благовоние с добавлением в него животного жира. Поверье, которое находит свое отражение в языковой единице *nomolt s(i)traxm ta na weden! //* разве можно зажечь немолотое в жире благовоние, указывает на то, что окуривать сухим растением – анафалисом пространство дома у шугнанцев строго запрещено. Хотя современные шугнанцы считают, что причиной этого является то, что сухое растение плохо горит, однако, на наш взгляд именно отсутствие одного из исконных элементов древнего обряда жертвоприношения – *жира* стало причиной нежелательности зажигания сухого благовония.

36 Юсуфбекова З. Свадьба внутри одной большой семьи в Шугнани // Памироведение. Вып. II. – Душанбе, 1985. – С. 236-251, 243.

37 Мэри Бойс. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Санкт-Петербург, 1994. – С. 14.

Необходимо отметить, что обряд окуривания пространства дома данным благовонием, согласно поверьям памирцев, должно совершаться до заката солнца, так как после заката солнца на его запах покидающие Землю ангелы вынуждены возвращаться – *farixtagûn as xu pûnd gârden* // ангелы возвращаются с пути. Схожие параллели подобного рода предписания мы находим в Авесте, где в гимне, посвященной Ардвиге-Суре, на вопрос Заратуштра «как правильно он должен ей молиться и какие приношения он должен ей приносить в жертву?» она отвечает:

Провозгласила Ардвиге:

«Поистине, Спитама.
Такой молись молитвой,
Чти жертвою такой,
Вкушая возлияния,
Ты от восхода солнца
И до лучей заката...»³⁸

На вопрос Заратуштра «...что с жертвами бывает, которые тебе приносят после заката?» даётся следующий ответ:

«Поистине, Спитама...
Стремятся дэви к жертвам
После захода солнца...»³⁹

Обычай окуривания жилища душистыми растениями широко использовавшийся в зороастрийскую эпоху и по сей день наблюдается у многих народов Средней Азии. У разных народов священным считаются различные растения: ислык, арча, стручковый перец, ладан, шиповник и т. д. Из гимнов Авесты мы узнаем, что на вопрос «Если в доме или шалаше умрет человек или собака, что должны делать последователи Мазды?», Ахура Мазда отвечает: «...должны они вынести его (труп Н. Ш.) не менять ничего в самом жилище, лишь окурить его сандалом, бензоином и алоэ или любым другим душистым растением...»⁴⁰. Подобные окуривания пространства различными растениями в Авесте встречается не раз. В случае же Западного Памира *s(i)traxm* является тем самым душистым растением, который окуривается при различных, как похоронно-поминальных, так и других бытовых обрядах. Обряд *jûr s(i)traxm weddow* (букв. класть парное благоухание) у шугнанцев проводится в день похоронно-поминальной церемонии, и заключается оно в том, что на выступе очага с двух сторон окуривают анафалис, т. е. на двух железных блюдах кладут горсть горячей золы или раскаленного угля и сверху кладут молотый в жире *s(i)traxm*.

Наставление взрослых молодым в виде формулировки *xu zîngak daryov kin* «окажи почести очагу» (букв. выступу очага) с одной стороны если носит воспитательный характер, в том смысле, что в детях этим воспитывали умение быть благодарным дому, очагу, огню за тепло и уют, а в широком смысле в их сердцах сеяли семена любви к родному порогу и дому, к родной земле, то с другой стороны данное выражение, в качестве пережитка древних времен, напрямую хранит в себе информацию о некогда бытовавший среди этих народов традиции культа огня и очага.

---

38 Авеста. Яшт 5-ый. Гимн Ардвиге-Суре. Перевод Стеблина-Каменского И.И. Москва, 1993. – С. 43.

39 Там же. – С. 44.

40 Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат) перевод Э. В. Ртвеладзе и др. Санкт-Петербург, 2008. – С. 156.

Формулировки *ba nūmi Xudoу zingak ti yičiz ribīdow* «во имя Бога поставить что-нибудь на выступ очага»; *ba nūmi arwo zingak ti yičiz ribīdow* «во имя духа предка поставить что-нибудь на выступ очага»; *murḡā bāx ziwēstow* «вынести долю покойного», являются яркими примерами отражения отголосков древних традиций, связанных с жертвоприношением очагу культом огня. Как правило, если хозяева намереваются вынести что-либо из дома – в большинстве случаев угощение, например, лепешку *gardā*, во имя Бога (*ba nūmi Xudoу*) или во имя усопшего члена семьи – духа предка (*ba nūmi arwo*) сначала жертвенное угощение кладут на выступ очага, вероятно с целью, как жертвоприношения, так и его освящения, а затем выносят на улицу и отдают первому встречному. До сих пор широкое распространение имеет традиция вынесения последней доли покойного (*murḡā bāx ziwēstow* «вынести долю покойного»). Заключается это традиция в том, что перед тем как вынести покойного из дома, на выступе перед очагом кладут его последнюю долю в виде муки и соли, и первым выносят эту жертвенную долю, отдают ее первому встречному, а за жертвенным приношением выносят и тело усопшего. Очень часто хозяйки дома, в случае нахождения одного из членов семьи далеко за пределами родного края, его долю тоже выносят и отдают прохожему, также совершая указанный ритуал.

Формулировка *dust juktow* или *zingak ti dust juktow* «наносить удары рукой» или «ударять по выступу очага рукой» отражает всю мощь веры в сверхъестественную силу очага среди народностей Западного Памира. Ритуал этот заключается в том, что человек три раза наносит удары по выступу очага, наравне с этим словесно возносит проклятия в адрес обидевшего его человека. Усиливали подобные вознесения проклятия в адрес кого-либо зажжением благовония с двух сторон выступа очага *jūr s(i)traxm weddow*. Вера в осуществлении подобных проклятий является настолько сильной, что нежелательно прибегают к вознесению подобных проклятий в адрес кого-либо, если же подобное происходит, то адресат от услышанных проклятий приходит в ужас, и старается разгладить ситуацию прошением извинения – *baxix tilāptow*. Выражение *damardum (dirdum) xu dust jukt, yid ta barakat navired // ей (ему) я ударяла рукой (по выступу очага), не найти ей (ему) благодати демонстрирует убежденность шугнанца в действенность его поступка и необратимости проклятия, вознесенной им.*

Ритуал *barakati zēxtow* «брать изобилие и благо (отцовского дома)» заключается в том, что раньше (в некоторых местах и по сей день) невесте в носок клали горст золы (*ḡīr*) из очага, вероятно, своего рода оберега от сглаза, а также согласно поверью памирцев, невеста этим действием уносила с собой благодать и благословение отцовского дома (*barakati dod čīd zēxtow // uēdow* «брать//уносить благодать отцовского дома») в дом жениха. На наш взгляд, здесь также прослеживаются отголоски культа огня или традиции поклонения очагу, а ритуалы и обряды, происходящие на выступе очага, явно демонстрируют отношение шугнанцев к очагу в качестве святого места, а сам выступ очага в их сознании воспринимается неким алтарем их жилища.

До недавнего времени в обычной шугнанской семье в холодные зимние ночи проводились уходящие в прошлое традиционные посиделки *naql čīdow* «рассказывать (истории у очага)»; *sūg lūvdow* «рассказывать сказки (у очага)» – традиция, отражающая живую суть, живую память, связывающая домочадцев с прошлым, с предками. Когда огонь гаснул, но тепло все еще держалось в очаге, как дети, так и взрослые, свесив ноги в очаг, держали их в тепле. В момент таких посиделок рассказывались самые интересные и сокровенные рассказы, важные события

из жизни, как самих рассказчиков, так и из жизни предков, религиозные рассказы, а порой бытовые и воспитательные, волшебные сказки. Такая традиция стало предпосылкой формирования среди шугнанцев мастеров-рассказчиков. Вся суть и значимость данной традиции отражается в формулировках, которые все еще можно услышать в речи старшего поколения, таких как: *Yu dis bašānd naqligār vud* // Он был очень искусным рассказчиком или *Wi dodga sūglūvij Xuynūn-and navud* // Рассказчика сказок подобно ему в Шугнани не было. В ходе таких посиделок, веками во время долгих зимних ночей очаг становился местом единения всех членов семьи; местом воспитания и передачи морально-этических ценностей из поколения в поколение; местом, где прошлое и настоящее сливались в единое целое, и медленно, но верно создавалась благоприятная почва для будущего. В силу того, что памирские языки являются бесписьменными языками, в какой-то степени именно благодаря традиции *посиделок у очага* сохранились и дошли до нашего времени многие бытующие обряды и информация о прошлой жизни.

Два параллельных пространства памирского дома – *kicor* «очаг», вместе с ним *zīngak* «выступ очага» с одной стороны, и *bārnêx* «главные нары» с другой стороны отражают гендерные ценности и нормы, основанные на взаимодополняющих ролях всех членов семьи, как женского пола, так и мужского. Эти ценности у народов Западного Памира формировались веками, создавая поведенческие нормы и предписания людей в обществе. В рамках традиционного дома создано некое пространство – атмосфера, определяющая и отводящая четкие роли, как мужчинам, так и женщинам.

Нары *bārnêx* находятся при входе, расположившиеся параллельно к очагу дома, и являются главным и почетным местом памирского дома. Это пространство принадлежит мужской половине дома. По традиции в знак уважения и почести гостей, а также жениха во время свадьбы усаживают именно на этих нарах. В шугнанском языке элемент *bār* относится к *bar* со значением «ширина», «возвышенность». Эти нары не выше и не шире других нар, однако, вероятно, в силу их примыкания к главному столбу дома, это место считается почетным. Выражение *yu ta bār-and dūnd nīŕt* букв. «он усаживается только на почетном месте» или *yu bārnixīn* «он сидящий на почетном месте» имеет иронический оттенок, и с насмешкой используется относительно самовлюбленного человека.

В силу того что место, называемое *bār* – почетная часть, примыкающая к основанию нар *bārnêx*, считается исключительно местом религиозного представителя – *pīr*, после которого обязательно усаживали другого религиозного деятеля – *xalifā*. Если даже представитель духовенства – *pīr* не присутствовал в доме, то это место символически оставляли пустым. Усаживаться на этом месте у шугнанцев считается проявлением неуважения к *pīr*-у. Среди носителей языков широко используется выражение *bār-and nêddow* «усаживать (кого-либо) на почетном месте» или *bār-and nistow* «садиться на почетном месте». Однако, в данном случае имеется ввиду не сама часть, примыкающая к основанию этих нар, а все пространство, которое в шугнанском языке называется *bārnêx*. Формулировки *bār-and def nêd-et* «усадите их на почетном месте»; *as bār sifān-et* «усаживайтесь на *bār* – почетном месте» используются для выражения уважения и гостеприимства относительно гостей. При этом сами гости и хозяйка понимают, что место называемая *bār* должна оставаться пустой.

Фото 6. *Vāmêx* – почетные нары (из архива автора, г. Хорог, 2009 г.)

Эти нары также являются местом совершения таких обрядов, как *sartarošûn* «одевания жениха» (шуг. к тадж. *sar* «голова», *taroš* осн. нас. вр. «брить», суф. *-ûn* к тадж. *-on*) во время свадебной церемонии. Сопровождается данный обряд длительным традиционным песнопением *dāfsoz*, где аккомпанирующим инструментом являются только бубны, а исполнителями исключительно мужчины. Вся свита жениха во время свадебной церемонии, являются представителями сильного пола. Свадебная церемония *niko* – мусульманское венчание происходит в доме невесты и местом для ее проведения также является указанная часть дома, только невеста в это время находится на исторически предопределенном ей месте *kicor* (очаг). В недавнем прошлом во время церемонии *niko* – религиозного венчания у мусульман использовалась вода, куда клали кусок животного жира, кусок лепешки (наличие жертвенных кусков в данной воде различается по регионам). Эту воду с жиром перед тем, как передать в руки участников церемонии, сначала клали в миску, поверх которой клали скалку и покрывали все это белой материей, а затем ставили на выступ очага – своего рода жертвоприношение. Вероятно, все эти принадлежности для проведения венчания клали на выступ очага с целью, как почитания очага, так и освящения этих предметов, придания им благодати и святости. В зоне *bārñêx* религиозный представитель *xalifā* совершал над ней обрядовые действия, которые заключались в прочтении аята из Корана. Затем поочередно жених и невеста пили эту воду и откусывали кусок жертвенного жира.

Также здесь проводят обряд *cirowpidid* «зажигания свечи на третью ночь после похорон».⁴¹ Во время данной церемонии представителя духовенства – *xalifā* усаживают около *bār*, но место,

⁴¹ С недавнего прошлого в результате некоторых религиозно-церемониальных реформ в процедуру данной церемонии были внесены некоторые изменения. В настоящее время зажигания обрядовой похоронно-погребальной свечи проводится на второй вечер после прочтения вечернего намаза до 12 часов ночи.

исторически предназначенное для более высоко чтимого представителя духовенства *pīr*, несмотря на тот факт, что люди с этим титулом давно не функционируют среди местных жителей, остается пустым. В некоторых случаях на этом месте кладут остаток материи от савана, который после проведения похоронной церемонии *cirowpīdid* используется в качестве коврика для молитвы – *jonamoz*. В силу того, что саван считается чистым и непорочным одеянием для покойника, остаток от погребального одеяния вполне пригоден как в качестве молитвенного коврика, так и в качестве символической вещи для занимания места представителя духовенства.

Традиция *madoxūni*, которая представляет собой пение религиозных песен во время как похоронно-поминальной церемонии, так и других религиозных мероприятий, также совершается на главных нарах памирского дома, ибо исполнителями данных религиозных песнопений тоже являются исключительно мужчины.

Интересным наблюдением является тот факт, что почти все обрядовые традиции, совершаемые на *bārnêx* – место мужской половины, носят исламский характер, однако ритуалы, совершаемые на очаге – место женской половины, в частности на выступе очага являются отголосками древних времён.

Фото 7. *Bozparūn* – низкая, узкая перегородка на очаге
(архив к. и. н. Шоинбекова А., сделанный на левобережье реки Пяндж, Афганистан, 2019 г.)⁴²

Характерной чертой памирского дома является его многофункциональность. Это черта стала предпосылкой для твердо установленной организации внутреннего интерьера, что тоже находит свое отражение в языковых единицах. Такие выражения как *kaxoy joy pi kicor* букв. «место женщины на очаге»; *bār-and ta xalīfā nêd-en* «халифа усаживают на почетном месте», т. е. на *bārnêx* – главные нары; *bārnêx metūn joy* «*bārnêx* место для гостей»; *wi/wam joy divi-*

⁴² Фото из архива к. и. н. Шоинбековой Аловиддин, сделано в традиционном памирском доме левобережья реки Пяндж, Бадахшана Исламской Республики Афганистан в 2019 году во время научной экспедиции. Такие сооружения можно наблюдать и в традиционных памирских домах старой постройки правобережья реки Пяндж. Нами был обнаружен дома с *bozparūn* в Рошткалинской долине во время научных экспедиций в 2014 по 2016 гг.; старшее поколение носителей шугнанского языка подтверждали раннее его существование в традиционных домах и подобное его функциональное предназначение.

zibo букв. «его/ее место за дверью»; *as bār naŷjīset* «усаживайтесь на *bār*»; *xūncī (y)at niwenc ta woŷnēxsitan xezand nēden* «жениха и невесту усаживают около столба удлинённых нар»; *kūdak ta xāsitan xezand aŷēzen* «младенца укладывают спать около царь-столба» ярко демонстрируют строгую, почти каноническую организацию пространства в традиционном памирском доме. Даже для решения некоторых социальных проблем в традиционных домах раньше сооружали низкую, узкую перегородку *bozparūn* (*boz* «сокол» *parūn* от тадж. *paridan* «летать»), которая примыкает к *kicorsitan* «столбу очага». Согласно словам информантов предназначалось такое сооружение для избрания руководителя, главного человека в том или ином деле. При этом выбор происходил следующим образом: после того, как мужчины усаживались на *bārnēx*, в дом завозили сокола (*boz*) и сажали его на поверхность данного сооружения. Затем отпускали его, чтобы тот полетел. Кому на плечо садился сокол, тот и становился руководителем какого-либо мероприятия.

Необходимо отметить, что две параллельные стороны традиционного памирского дома – *kicor* «очаг» и *bārnēx* «нары, напротив очага», если с одной стороны разделяют пространство дома на мужскую и женскую половину, то с другой стороны они являются двумя равными сторонами одного целого дома. У памирцев испокон веков принято прислушиваться к мнению обеих сторон, женщина в этой культуре никогда не считалась изгоем общества, рангом ниже мужчины, наоборот она являлась его партнером и спутницей жизни, которую воспитывали в духе послушания и уважения, как мужского слова, так и старшего в семье. В обществе к женщине всегда относились с уважением, а в доме она была матерью, женой, сестрой, невесткой. К мнению старшей из женщин в семье всегда прислушивались, с ней советовались по разным бытовым вопросам. Однако, несмотря на равную высоко чтимую позицию этих двух параллельных сторон и их обитателей – женщин и мужчин, в доме всегда прислушивались к мнению самого старшего в семье. Такие языковые единицы как *xu katanak ta niŷŷŷen* (своего старшего надо слушаться); *be katanak maslāt ta kor nakinen* (без совета старшего нельзя что-то делать); *māš čīd katanak* (старший (ая) нашего дома); *(diyēn) katanakenen lūd* (это) старшие говорили); *katanak ta fāmt* (старший знает (как обстоит дело) относятся к старшему в доме обеих полов, и отражают почти иерархическую систему подчинения членов семьи друг другу. Если в доме, по каким-то причинам отсутствует старший из мужчин, то советуются со старшей из женщин. Наравне с этим мужчина, несмотря на свой возраст, будь он маленький, молодой или преклонного возраста, всегда считался важным, значительным. Такое его положение в семье и в обществе ярко отражено в широко распространенной формулировке *mardinā buzurg* // мужчина важный (по значению, происхождению), поэтому ругать дурными словами мужчину или поступать дурно по отношению к нему для женщин всегда считалось дурным тоном.

Таким образом, анализ лексических единиц, отражающих значимость и место двух параллельных пространств – очага и главных нар – показывает, что, несмотря на четкое деление расположений членов семьи в пространстве, памирский дом на равных правах объединяет мужское и женское начало, чем самым выражает равенство в творении человечества. Всё составляющее содержание языковых единиц показывает, что как очаг, будучи неким женским пространством и неким алтарем для совершения многочисленных обрядов, так и главные нары, будучи мужским пространством и местом для совершения жизненно-важных церемоний, являются высоко чтимыми частями памирского дома – *čīd*.

Многочисленные обряды и традиции, которые также внесли свою лепту в морально-этические стороны жизни памирцев, можно наблюдать по отношению к пяти столбам. Столбы, как было

уже отмечено, являются как физической, так и моральной опорой памирского дома, памирской семьи. Ряд традиций и ритуалов отражают характерное эмоционально-поведенческое отношение шугнанцев к их дому, а в частности, к пяти столбам. Главным из этих пяти столбов является *xāsitan* «царь столб»⁴³. Ритуалы и поверья, связанные с главным столбом, демонстрируют его важность и значимость для проживающих в этом доме людей. Мастер, как только заканчивает строительство дома, подходит к этому столбу и трижды ударив по ней, в некоторых случаях обухом своего топора⁴⁴, в других случаях рукой и при этом возносит: *Mustākam vi! // Будь устойчивым!* В момент землетрясения кто-нибудь из домочадцев крепко обняв главный столб, возносит молитвы небесам: *A Xudoу osoyaxi nasib kin! // О Боже, ниспошли (нам) покой!* В то время, когда в дом приходит беда или смерть забирает кого-то из членов семьи, как правило, старшая из женщин нанося символические удары по главному столбу, рыдая, говорит: *Tut xu ranoyand nigā načūd // Ты не защитил.* Все эти обыденные поведенческие реакции по отношению к главному столбу являются отражением его значимости и важной роли в жизни домочадцев. Вера в его защитную силу в сознании шугнанцев настолько велика, что подобные полемические высказывания говорят о твердой убежденности носителей языка в огораживающую силу данного столба.

В недалеком прошлом каждый, кто входил в дом, и сами хозяева дома, даже если в доме никого не было, всякий раз произносили слова приветствия главному столбу дома в знак уважения и почести. Со временем эта традиция у памирцев видоизменилась, и чаще наблюдается на траурный день *cirowpidid* «обряд зажигания свечи на третью ночь после похорон». Во время траурной церемонии у шугнанцев при вхождении в дом принято дотрагиваться пальцами обеих рук до *bārnēxsitan* и при этом произносить слова приветствия, затем, целуя пальцы, преподносить их ко лбу. Подобные речевые акты, общения, хотя и односторонние явно отражают восприятие шугнанцем столбов в качестве живых объектов.

Следующим столбом памирского дома является *voḻznēxsitan*, вставленный в конце удлиненных нар – *voḻznēx* (*voḻz* «продолговатый», *nēx* «нары»). Задолго до исламского периода данный столб олицетворял зороастрийский ангел любви Мехр⁴⁵. После принятия ислама *voḻznēxsitan* стал персонифицировать первого Имама исмаилитов – Али (а). Согласно верованиям памирцев этот столб символизирует божество любви и договоренности. Поэтому во время свадьбы, когда жених приводит невесту в дом, их усаживают около него в надежде, что мир и любовь будут править между новобрачными до конца их жизни.

Столб по правую руку от входа, который находится на очаге, памирцы называют *kicorsitan* «столб очага» или *kampīrsitan* «старушка столб»⁴⁶. У памирцев этот столб персонализирует дочь пророка Фатиму (а), а в доисламский период являлся символом божества плодородия, воды и покровительницы женщин Анахиты. Фатима (а) считается хранительницей очага, покровительницей женщин и символом чистоты и благочестия. Этой богине – Анахите, значение которой незапятнанная, чистая⁴⁷, посвящен 5-ый Яшт Авесты. О ее сотворении сам Ахура-Мазда говорит:

43 Шохуморов А. Памир – страна ариев. – Душанбе, 1997. – С. 128-131.

44 Васильцов К. С. «Алам-и Сагир»: К вопросу о символике традиционно памирского жилища // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – С. 163.

45 Шохуморов А. Памир – страна ариев. – Душанбе, 1997. – С. 131-132.

46 Там же. – С. 132-135.

47 Авеста. Яшт 5-ый. Гимн Ардвиг-Суре. Перевод Стеблина-Каменского И. И. Москва, 1993. – С. 28.

Создал ее я, Mazda
 Для процветания *дома*,
 Селенья и округа.
 Создал для их защиты,
 Опоры и охраны,
 Создал для спасенья
 Округи и страны⁴⁸.

В миропонимании памирцев *kicorsitan* «столб очага» также является защитным столбом, в частности женщин и детей. Этот столб является хранительницей очага и огня, символом тепла и света, что в целом и есть процветание *дома*. У древних арийцев эта богиня представлялась в виде прекрасного, привлекательного создания, украшенная богатыми драгоценностями. У шугнанцев около этого столба одевают и украшают невесту: *niwenc ta kicorsitan xezand šay kinen* // невесту одевают около столба-очага; и во время всего процесса свадьбы она находится около этого столба.

Два других столба, расположенные по обеим сторонам прохода из веранды – *roygāsitan* и *bārnēxsitan* согласно исламской интерпретации являются символами сыновей Имама Али (а) – Хасаном (а) и Хусейном (а)⁴⁹. В до-исламский период *roygāsitan* являлся символом божества земли, называющийся Замйад, а *bārnēxsitan* персонифицировал божество огня Озар. В этой связи связь с землей, то есть с *roygā* «пол традиционного дома», выявляется только в случае столба символизирующего божества Земли. Соединение остальных четырех столбов с землей не видно в силу того, что они вставлены внутри нар (*sānj* «балки по краям нар»). Как уже ранее отмечалось, столб *bārnēxsitan* у памирцев считается символом тепла и огня, а место около него почетным местом. Пространство между этими двумя столбами также является частью обрядовой традиции. Выражение *jumāndīrum arwogūn zoxt xu yatum* // в пятницу я взял духа предков и пришел – для шугнанца является неким кодом – поведенческим ориентиром, ибо услышав это выражение от входящего в свой дом, шугнанцу будет трудно отказать в его/ее просьбе. Заключается подобный обряд в том, что просящий, входя в дом, останавливается между двумя столбами *roygāsitan* и *bārnēxsitan*, используя вышеприведенное выражение, у хозяев просит что-либо. Как правило, такая просьба заключается в прошении руки дочери хозяев, однако бывали случаи, что просили что-либо другое, к примеру, прошение. Формулировка *uyui tu dupečā anjūvd, nay lūvdowum wird navardod* // он стоял между двумя столбами (букв. *dupečā* – узкий и коротенький коридор от двери до двух столбов), и я не мог сказать нет также демонстрирует значимость данного пространство для носителей языка. Эти два столба, которые соединены между собой при помощи *bučkiyūj* – деревянным поперечным резным брусом, олицетворяют землю и огонь (см. фото 8 и 9). Брус, соединяющий два столба, всегда покрывается символическим рисунком солнца или свастики, являющимися символом света, тепла, благополучия и добра, или четырех стихий и четырех сторон света. Раньше люди вешали рога архара (шуг.-руш. *пахсїр хоҳ*) на этом брус в той связи, что данное животное является символом чистоты и непорочности. Вероятно, в таких случаях пространство между этими двумя столбами выступает в качестве некой арки, небосвода, где при наличии упомянутых символик происходит его сакрализация и отказ в просьбе просящему для шугнанца считается невысказанным.

48 Авеста. Яшт 5-ый. Гимн Ардвиз-Суре. Перевод Стеблина-Каменского И. И. Москва, 1993. – С. 184.

49 Шохуморов А. Памир – страна ариев. – Душанбе, 1997. – С. 135-137.

Фото 8 и 9. Вишкіўтj – балка между двумя столбами в традиционного памирсого дома (первая в доме новой постройки, а вторая в доме старой постройки)

Каждый из пяти столбов имеет свое название, отражающее языковую картину мира этносов. В частности, эти столбы именуется в зависимости от своего предназначения или местонахождения. Столбы являются олицетворением чистоты и святости традиционного памирского дома, так как само их существование и символизм практически присваивают данному дому статус храма. Их наличие в качестве архитектурных элементов с одной стороны является средством необходимой для устойчивости жилища, предопределенное географическими особенностями местности, однако, с другой стороны в них заключен веками сформированный морально-этический взгляд памирцев на взаимосвязь человека с природой, человека с окружающей его средой.

Вся космологическая и этико-философская сторона, выраженная архитектурными элементами, в частности, двух параллельных пространств, очага, пяти столбов и т. п., в повседневной жизни для шугнанцев являются источником их морали и традиций. Если с одной стороны народности Западного Памира, сооружая такие дома, вложили в них свое понимание принципов мироздания, законов природы, норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу, то с другой стороны их жилище из поколения в поколение, формируя их как личности, толковало им правило жизни.

Языковые единицы, репрезентирующие концепт *дом* отражают культурную специфику носителей шугнанского языка. Эти языковые единицы семантически охватывают исторически сложное мировоззрение шугнанцев, реализуемое в их традициях и реликвиях. Вся языковая база семантического поля концепта *дом* в шугнанском языке отражает те морально-нравственные ценности носителей языка, которые практикуются в этом доме, и которые веками создавали уклад их жизни. Поэтому, в потоке бурной интеграции и глобализации всего мирового сообщества, как традиционные обряды, так и лексические единицы, связанные с ними стремительно исчезают, и вопрос их сбора и изучения для лингвистики в целом является весьма актуальным вопросом.

Глоссарий

- āli bayt* – члены семьи (Пророка Мухаммада (с))
- ambaħc* – арча, можжевельник
- arwogûn nosoyaħ sen* – духи предка забеспокоятся
- arwogûn qār kinen* – духи предка обидятся
- awo* – воздух
- ayot, zindagi* – жизнь
- barakat* – благодать
- barakati zêxtow* – брать изобилие и благо (отцовского дома)
- bār-and nêddow* – усаживать (кого-либо) на почетном месте
- bārnêxsitan* – столб у основания главных нар традиционного памирского дома
- baxiħ tilāptow* – просить прощения
- bob* – дедушка
- bob zamīn* – дедовская земля
- bob zimāδ* – земля предков, родной дом
- boboyi ċīd* – дом предков
- bozparûn* – сооружение, узкая перегородка у очага
- buċkiyŷj* – перекладина между двумя столбами у входа в дом
- buċkiŷj* – деревянный поперечный резной брус
- bulodi kor* – букв. фундаментальное дело (о возведении дома)
- bunā* – к тадж. *buna* дом, жильё, гнездо
- buzurg* – святой
- buzurgi* – святость
- ċālak* – приступка перед очагом
- ċīd* – дом, традиционный памирский дом
- ċīd tar ċīd* – из дома в дом
- ċīd(d)or* – имеющий дом
- ċīdaki* – домосед
- ċīdbûn* – охраняющий дом
- ċīdedi* – новоселье
- ċīdjamāt* – члены семьи, домочадцы
- ċirowpidid* – обряд зажигания свечи после похорон
- ċor* – муж
- ċorik, mardinā* – мужчина
- ċorsitan ċīdow* – установление четырех столб
- ċorxûnā* – четырехступенчатая конструкция потолочной части памирского дома
- dāfsoz* – традиционное песнопение на бубне
- dar at palandar // dar at dargad* – дом, жильё; двор со всеми помещениями
- dargad* – двор, дом знатных людей, большой двор»
- dod ċīd* – отцовский дом
- dod zimāδ* – отцовская земля, отцовский дом
- dod zīngak* – отцовский дом
- dūmod* – зять
- duo zêxtow* – брать благословение, букв. брать молитву
- dupeċā* – узкий и коротенький коридор от двери до двух столбов
- emûn* – вера, также в значении честь и совесть
- farixtā* – ангел
- garmi* – тепло
- jamāt* – семья
- janjoli ċīd* – спорный дом
- jonamoz* – молитвенный коврик
- katanak* – старший
- kicor* – очаг
- kicōrsitan* – столб, находящийся на поверхности очага, букв. очаг-столб
- kiryār ċīdow* – созывать на помощь
- kiryār sidow* – идти на помощь
- madoxûni* – пение религиозных песен
- mālā* – комната, квартира
- mardinā buzurg* – мужчина важный (по значению, происхождению)
- mazab* – религия
- mūm* – бабушка
- nān* – мать
- nān zīngak* – материнский дом
- naql ċīdow* – рассказывать (истории у очага)
- naħċīr xoħ* – рога архара
- nex* – нары вдоль стен
- nibês* – внучка
- nibos* – внук
- niko* – мусульманское венчание

<i>niwenc</i> – невеста	<i>tartīb</i> – порядок
<i>obxīn</i> – специальная яма, углубление для стока использованной воды	<i>tartīb at nizūm</i> – порядок и последовательность
<i>osoaxi</i> – покой	<i>tāt</i> – отец
<i>palandar</i> – хозяйство, жильё, двор	<i>tawfiq</i> – удача
<i>panj tani pok</i> – «пять святых лиц»	<i>tozagi</i> – чистота
<i>pīnz sitan</i> – пять столбов, на которых держится покров памирского дома	<i>virod</i> – брат
<i>pīr</i> – религиозный представитель, особый титул	<i>voŷznêxsitan</i> – удлинённые нары, одна из разновидностей нар памирского дома
<i>piyil sudjin</i> – благословленное имущество	<i>widūm</i> – потолок
<i>piyil čīdow</i> – дать словесное благословение старших на что-либо, к примеру, на дом, на землю	<i>wūs</i> – потолочные балки
<i>pok</i> – духовно чистый	<i>xac</i> – вода
<i>poteri čīd</i> – памирский дом	<i>xalifā</i> – религиозный деятель, халиф
<i>poygā</i> – самая низкая часть памирского дома	<i>xarm</i> – стыд
<i>poygā</i> – самая низшая часть памирского дома	<i>xāsitan</i> – главный столб
<i>poygāsitan</i> – один из двух столбов, которые соединены между собой балкой у входа в традиционный памирский дом	<i>xisīrʒ</i> – брат мужа, муж сестры
<i>pic</i> – сын	<i>xisur</i> – свекор, тест
<i>qurbūni čīdow</i> – принести жертвоприношение	<i>xīx</i> – теща, свекровь
<i>rizīn</i> – дочь	<i>xiyūn</i> – невестка, золовка
<i>rūz</i> – отверстие на потолке традиционно памирского дома	<i>xok</i> – земля
<i>s(i)traxm</i> – благоуханное растение (анафалис)	<i>Xidoʻy</i> – Бог
<i>s(i)traxm weddow</i> – окуривание благоуханного растения (анафалис)	<i>yagūnagi</i> – единство
<i>sānj</i> – балки по краям нар	<i>yagūnagi</i> – единство
<i>sartarošūn</i> – обряд одевания жениха	<i>yax</i> – сестра
<i>seri</i> – сытость,	<i>yoc</i> – огонь
<i>sitan</i> – столб	<i>zinaʻy</i> – невестка, жена сына
<i>soat-at zamūn fāmtow</i> – уточнения благоприятной даты, времени	<i>ziryot</i> – дети
<i>sūg lūvdow</i> – рассказывать сказки (у очага)	<i>zīngak ti dust juktow</i> – ударять по выступу очага рукой
<i>sunat</i> – традиция	<i>ŷēz</i> – раскаленная угля
	<i>ŷīn</i> – жена
	<i>ŷīnik, kaʻoxoy</i> – женщина
	<i>ʻīr</i> – зола, сакральный
	<i>zīngak</i> – выступ очага
	<i>zīngak daryēftow</i> – поклонение очагу

Литература

1. Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат) перевод Э. В. Ртвеладзе и др. Санкт-Петербург, 2008.
2. Авеста. Яшт 5-ый. Гимн Ардвиг-Суре. Перевод Стеблина-Каменского И. И. Москва, 1993.
3. Авеста. Закон против дэвов (Видевдат). Адаптированный перевод Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, Е. В. Абдуллаева. Санкт-Петербург, 2008.
4. *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. II. // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, Т. XI. Подготовлен к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А. К. Писарчик. Изд. АН Тадж. ССР. – Сталинабад, 1958.
5. *Васильцов К. С.* «Алам-и Сагир»: К вопросу о символике традиционно памирского жилища // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
6. *Воркачёв С. Г.* Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, Коммуникация и социальная среда № 12, 2014.
7. *Джураев Р.* Этимология 100 калима. – Душанбе, 1985.
8. *Додыхудоева Л. Р.* Этнолингвистический словарь: «дом», «жилье»; «хозяйство» // Малые языки и традиции: Существование на грани. Вып. I. – М., 2005.
9. *Карамшиев Д.* Шугнано-русский словарь. Том I.
10. *Карамшиев Д.* Шугнанско-русский словарь. Т. III. – М., 1999.
11. *Карамшиев Д.* Шугнанско-русский словарь. Т. III. – М., 1999.
12. *Конструбина И. А.* Типы концептов: Гиперконцепт семья – дом // Вестник Пермского Университета (Российская и зарубежная филология). Вып. 6(12). Пермь, 2010.
13. Концепты культуры и концептосфера культурологи: Коллективная монография / Под ред. Л. В. Никифоровой, А. В. Коневои. – СПб.: Астерион, 2011.
14. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996.
15. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
16. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Изв. РАН – СЛЯ – 1993, № 1.
17. *Мамадназаров М. Х.* Видоизменение горнобадахшанского жилища в зависимости от его местонахождения // Памироведение. Вып. II. – Душанбе, 1985.
18. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику. Наука; Москва; 2011.
19. *Мэри Бойс.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. Санкт-Петербург, 1994.
20. *Некушоева Ш.* Ситуативное применение синонимичных единиц относительно понятия «дом» // Вестник Таджикского национального университета, 2 (48). Душанбе, 2008.
21. *Некушоева Ш.* Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики (на материале шугнано-рушанской группы памирских языков, Душанбе, Эр-граф. 2019. 178 с.).
22. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-ое издание, 1992.
23. *Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. – СП (6), 1999.
24. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
25. *Стернин И. А.* О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений // Язык. Словесность. Культура. №1, 2011

26. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди II. Душанбе, 2008.
27. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди I, - Душанбе, 2008.
28. *Шишов А.* Таджики (Этнографическое исследование). – Алматы, 2006.
29. *Шохуморов А.* Памир – страна ариев. – Душанбе, 1997.
30. *Шумилова А. А.* Лексическая синонимия: традиционное и когнитивное видение проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33.
31. *Юсуфбеков Ш., Шоинбеков А.* Шогуни баҳор. Душанбе, 2019.
32. *Юсуфбекова З.* Свадьба внутри одной большой семьи в Шугнана // Памироведение. Вып. II. – Душанбе, 1985.

www.ucentralasia.org